Святитель Иоанн Златоуст о землетрясении

О землетрясении, о богатом Лазаре и о том, откуда произошло рабство

ВИДЕЛИ вы Божию силу, видели Божие человеколюбие?

Силу в том, что Бог потряс вселенную; человеколюбие в том, что падающую ее остановил. А лучше в том и другом – и силу, и человеколюбие; и потрясти, и остановить – дело силы и человеколюбия; потому что Он поколебал вселенную и утвердил ее, колебавшуюся ее и готовую упасть восстановил.

Но хотя землетрясение миновало, страх пусть остается; колебание прошло, а благоговение пусть не проходит; три дня мы молились, но не прекратим нашего усердия. За то (постигло нас) землетрясение – за нерадение наше; мы вознерадели – и вызвали землетрясение; исправились – и отклонили (Божий) гнев; не будем же опять предаваться нерадению, чтобы опять не вызвать гнева и наказания;

Бог не хочет *смерти грешника, но еже обратитися, и живу быти ему* (Езек. XXXIII, 11).

Видели вы бренность рода человеческого? Когда происходило землетрясение, я размышлял сам с собою так: где хищничество? где любостяжание? где могущество? где высокомерие? где господство? где угнетения? где разграбления бедных? где тщеславие богатых? где власть начальников? где угрозы? где страхи? Одна минута времени – и все расторглось легче паутины, все это расстроилось; и был плач в городе, и все бежали в церковь. Подумайте, что было с нами, если бы Богу угодно было все ниспровергнуть. Говорю это для того, чтобы постоянно жив был в вас страх от случившегося и укреплял умы всех.

Потряс Господь землю, но не ниспроверг; потому что если бы хотел ниспровергнуть, то не потряс бы; но так как Он того не хотел, то землетрясение, как глашатай, предвозвещающий всем гнев Божий, предварительно произошло, чтобы мы, от страха сделавшись лучшими, отклонили от себя наказание на деле.

Так поступил Он и с иноплеменниками: *еще три дни, и Ниневия превратится* (Ион. III, 4). Почему же не превращаешь? Грозишь ниспровергнуть: почему же ты не ниспровергаешь? – Так как Я не хочу ниспровергнуть, то и угрожаю. – Для чего же говоришь? – Чтобы не сделать того, что говорю; пусть словом предупреждено и отвращено будет дело. *Еще три дни, и Ниневия превратится*, говорил тогда пророк, а ныне издают голос стены. Говорю это и не перестану говорить и бедным, и богатым; подумайте, как велик гнев Божий, как все Ему легко и удобно; отстанем же от пороков; в краткую минуту времени Он так сокрушил душу и ум каждого и потряс основания сердца; подумаем же, что в тот страшный день, когда будет не одна минута времени, но бесконечные веки, и потоки огня, и грозный гнев, и силы, влекущие на суд, и страшный престол, и нелицеприятное судилище, и дела каждого предстанут пред очи, и никто не будет заступником, ни сосед, ни ритор, ни сродник, ни брат, ни отец, ни мать, ни иноплеменник, ни кто-либо другой. Что тогда, скажи мне, мы будем делать?

Навожу на вас страх, чтобы устроить ваше спасение. Я сделал учение более резким, чем железо, чтобы каждый из вас, имеющий язву, освободился от нее. Не всегда ли я говорил, и ныне говорю, и не перестану говорить: доколе вы будете привязаны к настоящему? Ко всем говорю, но особенно к недужным и не внимающим тому, что говорится; или лучше: это слово полезно тому и другому: больному – для выздоровления, здоровому – для избегания болезни.

Доколе деньги? Доколе богатство? Доколе великолепие зданий? Доколе неистовство в бездушной любви к удовольствиям? Вот пришло землетрясение; какую пользу принесло богатство? Труд того и другого пропал, погибло имущество вместе с владением, дом вместе со строителем. Город сделался общим для всех гробом, устроенным внезапно не руками мастеров, но несчастным случаем. Где богатство? Где любостяжание? Видите ли, как все оказалось ничтожнее паутины?

2. Но скажешь мне: какая польза от слов твоих? Есть польза, если кто слушает меня. Я делаю свое; сеятель сеет. Вышел сеятель сеять; и пали семена – одни подле дороги, другие на камень, иные на тернии, а иные на добрую землю (Матф. XIII, 3-8); три части (семян) погибли, одна только сохранилась; однако же (сеятель) не отстал от земледелия; но так как одна часть сохранилась, то и не перестал трудиться над землею. И теперь невероятно, чтобы семя, повергаемое в такое множество (слушателей), не принесло мне колоса; если не все послушают, половина послушает; если не половина, то третья часть; если не третья часть, то десятая; если не десятая, то хотя один из такого множества послушает, лишь бы послушал. Немаловажно спасти и одну овцу; так и тот пастырь (Матф. XVIII, 12), оставив девяносто девять овец, пошел за одною заблудшею.

Я не пренебрегаю человеком; хотя бы он был один, но это человек, живое существо, любезнейшее Богу; хотя бы он был раб, я не считаю его достойным презрения; потому что не звания ищу, а добродетели, не господства, не рабства, а души; хотя бы он был один, но это человек, для которого небо распростерто, и солнце сияет, и луна течет, и воздух разлит, и источники бегут, и море расширено, и пророки посылались, и закон дан, но для чего перечислять все? Для которого единородный Сын Божий соделался человеком. Владыка мой был заклан и пролил кровь Свою за человека, и я ли буду пренебрегать им? Какое будет мне прощение?

Не слышите ли, что Господь разговаривал с самарянкою и изрек множество слов? Он не презрел ее за то, что она была самарянка, но оказал к ней внимание, потому что она имела душу; не пренебрег ею за то, что она была блудница, но приложил великое о ней попечение, потому что и она могла быть спасена и показала веру. Не перестану говорить и я, хотя бы никто не слушал: я врач и предлагаю врачевство; я учитель и должен увещевать, потому что говорит (Господь): «*Стража дах тя дому израилеву»* (Езек. III, 17). Никого не исправлю? Что же такое? Я не лишусь награды. Впрочем, это сказал я по преувеличению; невероятно, чтобы в таком множестве никто не исправился. Но таковы отговорки и предлоги нерадивых слушателей.

Каждодневно говорят, я слушаю и не делаю. Слушай, хотя бы ты и не делал; потому что от слушания доходят и до делания; хотя бы ты и не делал, но будешь стыдиться за грех; хотя бы и не делал, но переменишь образ мыслей; хотя бы и не делал, но будешь осуждать себя за то, что не делаешь. А откуда это твое осуждение самого себя? Оно – плод моих слов. Когда ты скажешь: увы! я слышал, и не делаю! – это «*увы»* есть начало перемены к лучшему. Ты согрешил и поплакал? Этим ты загладил грех; потому что (написано): «*Глаголи ты беззакония твоя прежде, да оправдишися»* (Иса. XLIII, 26).

Лишь бы ты печалился и скорбел; эта скорбь ведет ко спасению не по своему свойству, но по человеколюбию Владыки. Для имеющего грехи немалым служит облегчением скорбь о самом себе; ибо «*…видех»*, говорит (Господь), «*…яко опечалися и пойде дряхл, и исцелих его»* (Иса. LVII, 17, 18). О неизреченное человеколюбие! неизъяснимая благость! Он опечалился, и Я исцелил его! Что же особенного в том, что он опечалился? Ничего

особенного; но Я нашел в том повод исцелить печали его. Видите ли, как Он в краткую минуту времени все совместил?

Размышляйте же непрестанно о том вечере землетрясения. Все другие устрашились землетрясения, а я устрашился причины его. Понимаете, что я сказал? Другие боялись, чтобы не обрушился город и чтобы они не погибли; а я устрашился того, что Владыка гневается на нас; потому что не умереть тяжко, но тяжко разгневать Владыку.

Так я убоялся не землетрясения, а причины землетрясения; причина землетрясения есть гнев Божий, а причина этого гнева – грехи наши. Никогда не бойся наказания, но бойся греха, навлекающего наказание. Трясется город? Что же такое? Пусть только не колеблется душа твоя; так и в случае болезней и ран мы оплакиваем не тех, которые лечатся, но больных неизлечимо. А грех есть то же, что болезнь и рана, и наказание – то же, что отсечение и врачевание.